

ИСТОРИЯ / HISTORY

Противоборство советской разведки и японских спецслужб накануне Маньчжурской стратегической наступательной операции (1945)

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120028047-2

Зорихин Александр Геннадьевич

Кандидат исторических наук, Ассоциация японоведов (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12). ORCID: 0000-0001-7361-7237. E-mail: tsunami77@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 18.10.2023.

Аннотация:

Статья посвящена противоборству советской разведки и японских контрразведывательных органов накануне Маньчжурской стратегической наступательной операции (1945). Согласно официально принятой в отечественной исторической науке точке зрения, органы советской военной, военно-морской и внешней разведки смогли обеспечить Ставку Верховного главнокомандования и Генеральный штаб Красной армии достоверной информацией о состоянии японской группировки войск в Маньчжурии и Корее. Это стало одним из факторов быстрого разгрома Квантунской армии в ходе Маньчжурской стратегической наступательной операции в августе 1945 г. Вместе с тем вводимые в оборот документы свидетельствуют, что советское командование, несмотря на прилагаемые им усилия по сбору разведывательной информации о противнике, имело искаженное представление о боевом составе, дислокации, численности и оперативных планах японских войск. Причиной этого стал жесткий контрразведывательный и административно-полицейский режим, который Япония установила на территории захваченных ею Маньчжурии и Кореи. К началу 1945 г. там действовали паспортная система, специальный режим пребывания в пограничной полосе, была организована войсковая и агентурная охрана советско-маньчжурской границы. Дипломатические учреждения СССР находились под плотным наблюдением со стороны японской контрразведки, проводились мероприятия по выявлению неблагонадежных элементов среди русских белоэмигрантов, в результате карательных операций к 1941 г. было практически уничтожено антияпонское партизанское движение. Кроме того, на территории Маньчжурии действовали несколько хорошо оснащенных служб радиопротиворазведки, которые во взаимодействии выявляли советские радиифицированные разведгруппы и после ареста радиостов проводили радиоигры.

Ключевые слова:

Япония, Маньчжурия, Красная армия, Квантунская армия, разведка.

Для цитирования:

Зорихин А.Г. Противоборство советской разведки и японских спецслужб накануне Маньчжурской стратегической наступательной операции (1945) // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 5. С. 121–131. DOI: 10.31857/S013128120028047-2.

Завершающим этапом Второй мировой войны стало поражение милитаристской Японии в ходе Маньчжурской стратегической наступательной операции в августе 1945 г. Малоизвестной страницей истории является предшествовавшее операции противоборство советской разведки и японских спецслужб, которое развернулось в первой половине 1945 г. Источниковую базу для исследования событий советско-японской войны составили документы разведывательных органов Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов из Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО), служебная переписка и исследования сотрудников штаба Квантунской армии из Архива Научно-исследовательского института обороны Министерства национальной

обороны (НИИО МНО) и Национального архива Японии, а также справочные материалы советской контрразведки, опубликованные в 2020 г. в сборнике «Органы государственной безопасности СССР во Второй мировой войне. Победа над Японией».

С советской стороны в подготовке Маньчжурской операции участвовали Главное разведуправление Генштаба Красной армии (ГРУ ГШ КА), Наркомат госбезопасности (НКГБ), Наркомат внутренних дел (НКВД) и Наркомат Военно-морского флота (НКВМФ)¹. Центральным органом, который обобщал всю информацию о японской армии, выступало ГРУ.

За годы войны военная разведка прошла через серию реорганизаций. В феврале 1942 г. Разведуправление Генерального штаба преобразуется в Главное разведуправление (ГРУ), которое в октябре этого же года было выделено из состава Генштаба и переведено в прямое подчинение наркому обороны СССР И.В. Сталину. На ГРУ возлагались задачи ведения агентурной разведки за границей и на временно оккупированной территории, в то время как радио- и войсковая разведка осталась за Управлением войсковой разведки Генштаба и подчиненными ему фронтовыми разведотделами. Дешифровальная служба ГРУ была передана 5-му управлению НКВД СССР².

Явное несоответствие потребностей фронтов с имеющимися у них возможностями заставили советское руководство весной 1943 г. вернуться к поиску оптимальной организации военной разведки. Однако вместо централизации ее сил и средств было принято соломоново решение: приказом наркома обороны от 19 апреля 1943 г. за ГРУ КА осталась агентурная разведка за рубежом, а ведение войсковой, агентурной, радиоразведки и диверсионной работы на временно оккупированной территории возлагалось на вновь образованное Разведуправление Генштаба и подчиненные ему фронтовые и армейские разведотделы³.

Ненужный параллелизм в работе двух разведорганов был устранен только в июне 1945 г., когда РУ ГШ влилось в состав ГРУ и новое ведомство окончательно перешло в подчинение начальника Генерального штаба. В то же время дешифровальная служба осталась в ведении 5-го управления НКГБ СССР.

В 1941–1945 гг. зарубежный разведаппарат ГРУ, собиравший информацию о Японии, был представлен легальными резидентами в Токио, Вашингтоне, Лондоне, Чунцине, Сеуле, Харбине, Шанхае, Дайрэне и аппаратом советника по разведке при Разведуправлении Ставки Чан Кайши. Вашингтонская и лондонская резидентуры получали документальную информацию по японской армии от источников в дешифровальных и разведывательных органах Великобритании и США. Часть сведений поступала в Москву от нелегальных резидентур ГРУ в Маньчжурии, Китае, Западной Европе и США.

При этом если легальная резидентура в Токио была укомплектована профессиональными японистами, работавшими под прикрытием посольства, военного атташата и корреспондентского пункта ТАСС, то в харбинской и дайрэнской резидентурах в 1942–1945 гг. имелся только один сотрудник, владевший японским языком.

В РУ ГШ изначально отсутствовало подразделение, отвечавшее за разведку на японском направлении: приказом наркома обороны от 19 апреля 1943 г. эта задача возлагалась на 3-й (по руководству агентурной разведкой фронтов) отдел⁴. Однако уже в августе 1943 г. был образован 11-й отдел, отвечавший за руководство органами приграничной разведки на восточном направлении, в том числе разведотделами штабов Дальневосточного и Забайкальского фронтов. Для обработки и оценки поступавшей от них

¹ Его деятельность не рассматривается.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 468. Л. 1.

³ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 74. Л. 163–164.

⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 74. Л. 165.

информации о японских войсках в Маньчжурии, Корее, на Южном Сахалине и Курилах в 11-м отделе была создана независимая от 4-го (информационного) отдела информационная группа.

Накануне Маньчжурской операции основной поток данных поступал в 11-й отдел от разведотделов штабов Дальневосточного, Забайкальского фронтов и Приморской группы войск, которые добывали сведения о группировке японских войск, ее силах и средствах, рубежах обороны и передвижениях на глубину до 250–600 км⁵. 5 июля 1945 г. в Хабаровске для координации деятельности фронтов был образован штаб Главного командования советских войск на Дальнем Востоке (ГКСВДВ), в состав которого входил разведотдел во главе с бывшим начальником 11-го отдела РУ ГШ генерал-майором С.М. Чувыриным и его подчиненными.

Заброску агентуры на сопредельную территорию осуществляли 15 приграничных разведывательных пунктов 1-го Дальневосточного (Иман, Платоново, Гродеково, Краскино), 2-го Дальневосточного (Благовещенск, Полярково, Ленинское, Бикин, Северный Сахалин), Забайкальского фронтов и дислоцированной в МНР его 17-й армии (Старо-Цурухайтун, Бырка, Дария, Дзамын-Удэн, Керулен, Тамцак), а также оперативная группа при разведотделе штаба 1-го ДВФ в Ворошилове (Уссурийске). Силами фронтовых разведорганов с апреля по август 1945 г. в тыл противника было выведено 188 разведгрупп, или 588 разведчиков, преимущественно нанайцев, удэгейцев, эвенков, ороченов, китайцев, монгол, бурят и корейцев, часть из которых была радиофицирована. Агентурный аппарат фронтовых разведорганов, разведотделов штабов Амурской флотилии и ТОФ насчитывал порядка 670 человек⁶.

Кадровым резервом разведотдела штаба ДВФ в 1941–1945 гг. была 88-я отдельная стрелковая бригада. Она была образована на базе китайских партизанских отрядов, перешедших на советскую территорию в 1940 г. К весне 1941 г. там скопилось до 600 корейских и китайских партизан, которым после заключения советско-японского пакта о нейтралитете 13 апреля 1941 г. было запрещено возвращаться в Маньчжурию. Оперативное руководство китайскими партизанами находилось у разведотдела штаба Дальневосточного фронта, поэтому он начал их углубленную подготовку к ведению полномасштабной разведывательной и диверсионной деятельности в японском тылу на случай войны. Китайские и корейские партизанские отряды были пополнены советскими гражданами из числа представителей коренных национальностей, и 21 июля 1942 г. приказом командующего войсками ДВФ на их базе была образована 88-я отдельная стрелковая бригада. За годы войны списочная численность соединения выросла с 471 человека (по состоянию на 22 июля 1942 г.) до 1 225 человек (по состоянию на 15 октября 1945 г.).

В 1940–1943 гг. из состава бригады в Маньчжурию было заброшено 89 разведчиков, из них к началу наступления в полосе 1-го ДВФ действовали 26, в полосе 2-го ДВФ — 9. Всего же с марта 1941 г. по август 1945 г. в Маньчжурию ушло свыше 30-ти разведгрупп численностью более 300 человек, из которых до 200 погибли или пропали без вести⁷.

Кроме агентурного аппарата к началу Маньчжурской операции советское командование располагало сетью органов радиоразведки: ГКСВДВ подчинялся 2-й отдельный радиополк ОСНАЗ, контролировавший линии связи Квантунской армии на всю глубину Маньчжурии, 1-му Дальневосточному фронту — три отдельных радиодивизиона ОСНАЗ

⁵ 5 августа 1945 г. Приморская группа войск и Дальневосточный фронт (ДВФ) были преобразованы в 1-й и 2-й Дальневосточные фронты. На укомплектование разведотдела штаба 1-го ДВФ был обращен личный состав разведотдела штаба Карельского фронта.

⁶ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Кучково поле, 2013. С. 312–313.

⁷ Подробнее см.: Константинов Г.Д. Особая интернациональная. 88-я отдельная стрелковая бригада Дальневосточного фронта. Хабаровск: ДИЦ «Приамурские ведомости», 2015.

(325-й, 398-й, 447-й), 2-му Дальневосточному фронту — один (464-й), Забайкальскому фронту — три (328-й, 453-й, 462-й).

Таким образом, к 9 августа 1945 г. сбором информации в Маньчжурии и Корее занимались 23 разведывательных органа трех фронтов, не считая разведотделы штабов Амурской военной флотилии и Тихоокеанского фронта.

Внешняя разведка НКГБ СССР также была представлена двумя управлениями — 1-м (разведывательным) и 4-м (зафронтовым). Разведывательному подчинялись легальные и нелегальные резидентуры в Японии, Китае, Корее, Маньчжурии, включая разведаппараты в Токио, Чунцине, Харбине, Маньчжоули, Дайрэне, Шанхае, Сеуле, и 1-е отделы УНКГБ по Читинской области, Хабаровскому и Приморскому краям; зафронтовому — 4-е отделы тех же территориальных органов. Кроме того, в 4-м управлении в годы войны действовала группа полковника Я.И. Серебрянского, занимавшаяся выводом нелегальной агентуры за рубеж.

Подобно коллегам из военной разведки 1-й отдел УНКГБ по Приморскому краю забрасывал в Маньчжурию и Корею агентов из числа китайцев, корейцев, ороченцев, тазов, удэгейцев и других лиц, ранее проживавших или имевших там родственников⁸. Сотрудники 1-го отдела УНКГБ по Хабаровскому краю при подборе агентуры также ориентировались на коренных жителей Маньчжоу-Го, однако значительная часть заброшенных ими агентов либо не возвратилась, либо была перевербована японцами: в 1945 г. из 73 закордонных агентов отдела постоянную связь с Центром поддерживали только 9⁹.

По линии НКВД СССР задача ведения разведки в Маньчжурии и Корее на глубину до 70 км возлагалась на 5-е отделы Забайкальского, Хабаровского и Приморского пограничных округов. Оперативно им подчинялись 5-е отделения 17 погранотрядов, которые вели сбор информации о группировке японских войск путем заброски агентов и организации наблюдения за прилегающей территорией с пограничных постов. Техническая разведка осуществлялась силами 7-го (Чита) и 8-го (Хабаровск) дивизионов спецслужбы. До ноября 1942 г. они подчинялись ГРУ, затем были переданы Главному управлению внутренних войск НКВД, а в августе 1943 г. — Забайкальскому и Хабаровскому погранокругам. Вся перехваченная дивизионами спецслужбы и фронтовыми радиодивизионами шифрпереписка передавалась для взлома 5-м отделам УНКГБ по Читинской области, Хабаровскому и Приморскому краям.

Следовательно, к началу 1945 г. информационным обеспечением Ставки Верховного главнокомандования о Вооруженных сил Японии занимались семь независимых органов военной, военно-морской и внешней разведки. Теоретически поступающие от них сведения должны были перекрывать друг друга и создавать целостную картину при разработке планов Маньчжурской наступательной операции.

Однако анализ вводимых в оборот документов показывает, что дело обстояло иначе.

Достаточно долго Ставка, Генштаб и командование фронтами исходили из ложной предпосылки о возможном превентивном ударе со стороны японцев по советской группировке войск на Дальнем Востоке. Не случайно, что директивы Ставки командующим войсками Приморской группы и Дальневосточного фронта от 26 марта 1945 г. начинались одинаково: «В случае нападения японских вооруженных сил на Советский Союз...», хотя еще 18 сентября 1944 г. Императорская верховная ставка поставила перед

⁸ Мазеркин Ю.П. Борьба органов государственной безопасности Приморья с подрывной деятельностью японской разведки в 1941–1945 годах // *Труды Высшей школы КГБ*. 1971. № 2. С. 144–145.

⁹ Петров И.Ф. Борьба органов госбезопасности Хабаровского края с подрывной деятельностью японской разведки в предвоенные и военные годы // *Труды Высшей школы КГБ*. 1971. № 2. С. 153–154.

главнокомандующим Квантунской армией задачу организовать оборону Маньчжурии и Квантунского полуострова, всеми силами избегая войны с Советским Союзом¹⁰.

В заблуждении относительно военных планов японцев советское командование продолжало пребывать и три месяца спустя. В разведсводке штаба Приморской группы войск от 29 июня 1945 г., в частности, говорилось: «В связи с мероприятиями, проводимыми в настоящее время в японской армии в Маньчжурии по переформированию соединений и частей прежнего состава и развертыванию новых, следует ожидать изменений в составе и численности. Изменения могут произойти, вероятнее всего, в сторону увеличения.

Увеличение состава и численности войск в Маньчжурии в обстановке, которая складывается в настоящее время в Японии, может быть связано с учетом возможностей координации действий восточных армий и флота Советского Союза с армиями и флотом союзных нам государств (Америка, Англия) против ее метрополии.

Для того чтобы обеспечить ближайшие подступы к Японии с северо-запада, японское командование может попытаться основными силами [в] Маньчжурии нанести удар по Приморской группировке наших войск с задачей захватить Приморье с основной базой Тихоокеанского флота — Владивосток»¹¹.

Подтверждением тезиса о готовящемся ударе служили данные военной разведки о якобы значительном росте за 1,5 месяца численного состава Квантунской армии (по состоянию на 1 июня 1945 г.): по живой силе — с 650 000 до 850 000 человек, по танкам — с 800 до 944¹².

Разобраться с истинными намерениями японцев советской разведке удалось только к середине июля 1945 г. В докладе разведотдела штаба Приморской группы войск «Краткая характеристика группировки и поведения японо-маньчжурских войск, противостоявших к 15.07.45 года войскам Приморской группы» констатировались: отвод значительной части войск Квантунской армии из приграничной полосы на вновь создаваемый тыловой оборонительный рубеж по западному берегу р. Мулинхэ и р. Муданьцзян, прикрывавший выходы в Центральную Маньчжурию и Северную Корею; наличие у японского командования намерений оборонять пограничную полосу силами лишь погрангарнизонов и гарнизонов УР; перевод соединений на штаты военного времени; развертывание двух дивизий на базе одной; начало в июне внеочередной мобилизации в армию в Маньчжурии, Корее и Японии¹³.

Несмотря на активизацию всех видов разведки в апреле — июле 1945 г., к началу Маньчжурской операции ГКСВДВ и Ставка также плохо представляли себе численность и боевой состав группировки противника.

Численность живой силы и боевой техники Квантунской армии были завышены в 1,5–2 раза: к началу войны разведка насчитала в Маньчжурии и Северной Корее 866 000 человек, 1 346 танка, 3 953 орудия и 1 029 боевых самолетов, тогда как в действительности там находились 550 000 человек, до 630 танков, 2 000 орудий и 1 020 боевых самолетов¹⁴.

Не лучше обстояло дело и с оценкой боевого состава японских войск. Так, ГРУ полагало, что по состоянию на 1 апреля 1945 г. в Маньчжурии и Корее дислоцируются

¹⁰ Русский архив: Великая Отечественная война. Советско-японская война. 18 (7–1). Советско-японская война 1945 г. История военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы: Документы и материалы в 2 т. М.: ТЕРРА, 1997. С. 330–331; *Архив НИИО МНО Японии*. Тюо-сакусэн сидо тайрикумэй-98 (С. 14060915700). Л. 237–238.

¹¹ ЦАМО. Ф. 1394. Оп. 0000001. Д. 0055. Л. 9об—10.

¹² ЦАМО. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 219. Л. 22об; Ф. 1394. Оп. 0000001. Д. 0055. Л. 9об.

¹³ ЦАМО. Ф. 234. Оп. 3213. Д. 386. Л. 77–80.

¹⁴ ЦАМО. Ф. 210. Оп. 3116. Д. 294. Л. 197–198; Ф. 234. Оп. 3213. Д. 386. Л. 80–85; Ф. 478. Оп. 0005910. Д. 0019. Л. 36.

две танковые, 13 пехотных дивизий и одна отдельная кавбригада. Фактически в состав Квантунской армии входила только одна танковая дивизия (1-я), а фигурировавшая в донесениях военной разведки 4-я танковая дивизия никогда в Маньчжурии не размещалась. Из 13-ти пехотных дивизий правильно были определены четыре (11-я, 25-я, 57-я, 119-я), наличие в Маньчжурии пяти (107-й, 108-й, 111-й, 112-й, 120-й) было установлено верно, но их местонахождение было либо неизвестно, либо показано неправильно, еще четыре дивизии (12-я, 71-я, 101-я, 118-я) и кавбригада существовали лишь в воображении сотрудников ГРУ. Разведка не подозревала о сформированных в январе 1945 г. в Маньчжурии восьми пехотных дивизиях (121-й, 122-й, 123-й, 124-й, 125-й, 126-й, 127-й, 128-й) и четырех отдельных смешанных бригадах (77-й, 78-й, 79-й, 80-й), наличии там одной отдельной мобильной и двух отдельных танковых бригад¹⁵.

Ситуация не изменилась и полгода спустя. К 9 августа 1945 г. разведка ошибочно установила наличие в Маньчжурии трех танковых дивизий, которые либо были изъяты из Квантунской армии в период с июля 1944 г. по март 1945 г. (1-я), либо никогда не входили в ее состав (3-я, 4-я). О существовании двух отдельных танковых бригад в Маньчжурии разведчики не подозревали. Из 22-х заявленных в отчетных документах фронтовых разведорганов пехотных дивизий семь (40-я, 101-я, 111-я, 116-я, 118-я, 120-я, 121-я) в состав Квантунской армии не входили. Дислокация шести пехотных дивизий (63-й, 108-й, 117-й, 124-й, 125-й, 126-й) была определена неверно. Еще две пехотные дивизии неустановленной нумерации (в Мяньюхэ на хайларском направлении и в Янмубэй на мунданьцзянском) существовали только на бумаге. Наличие в составе Квантунской армии 11-ти пехотных дивизий (39-й, 59-й, 79-й, 122-й, 127-й, 128-й, 136-й, 137-й, 138-й, 139-й, 148-й) советской разведке известно не было. Таким образом, из 24-х реально существовавших японских пехотных дивизий в Маньчжурии и Северной Корее советское командование достоверно знало только о семи, из девяти отдельных смешанных бригад — о трех, т.е. о трети всех соединений противника¹⁶. Хуже всего было то, что Ставка и ГКСВДВ не подозревали о существовании стратегического резерва Квантунской армии в треугольнике Дайрэн — Синьцзин (Чанчунь) — Тумэнь и планах оборонять только юго-восток Маньчжурии и Корею, что предопределило ошибочный замысел Маньчжурской операции.

Почему же советская разведка допустила такие просчеты в оценке противника, которые могли привести к большим потерям и провалу операции?

Ответ кроется в том жестком контрразведывательном режиме, который был установлен японцами в Маньчжурии и Корее и опирался на деятельность четырех хорошо подготовленных и технически оснащенных спецорганов.

Военная жандармерия Квантунской армии (кэмпейтай) изначально осуществляла только контрразведывательное обеспечение японских войск, но со временем стала претендовать на роль центрального органа по борьбе со шпионажем в Маньчжоу-Го. Ее штатная численность на 10 апреля 1945 г. составляла 3 813 человек¹⁷. Начальнику жандармерии подчинялись 12 отделений в Синьцзине, Харбине, Мукдене, Дайрэне, Цицикаре, Муданьцзяне, Дуньане, Сыпине, Аньшане, Цзиньчжоу, Яньцзи, Синьане и радио-контрразведывательный отряд, образованный 1 августа 1939 г. в Синьцзине, с подразделениями в Харбине, Дайрэне, Мукдене, Аньдуне, Муданьцзяне, Цзямусы, Яньцзи, Цици-

¹⁵ ЦАМО. Ф. 11016. Оп. 0000001. Д. 0009. Л. 29–35.

¹⁶ ЦАМО. Ф. 210. Оп. 3116. Д. 294. Л. 108, 120, 197–198; Ф. 234. Оп. 3213. Д. 386. Л. 80; Д. 402. Карта; Ф. 294. Оп. 6961. Д. 66. Л. 2–3; Ф. 478. Оп. 0005910. Д. 0019. Л. 36, Карта; Архив НИИО МНО Японии. Тюо-бугай рэкиси дзэмбан-29 (С. 12122426100); Тюо-бугай рэкиси дзэмбан-30 (С. 12122427300); Тюо-бугай рэкиси дзэмбан-31 (С. 12122429200).

¹⁷ Архив НИИО МНО Японии. Тюо-гунди гесэй хэнсэй-1 (С. 12120966500). Л. 0041.

каре и Хайларе. Сотрудники жандармерии присутствовали практически в каждом крупном населенном пункте Маньчжурии¹⁸.

Для выявления советских разведчиков кэмпэйттай имела агентуру среди местного населения, которая докладывала о появлении в их местности подозрительных лиц. Другой категорией агентов были русский эмигранты, завербованные для выявления антияпонских настроений в своей среде. Кроме того, сотрудники жандармерии постоянно дежурили на вокзалах, пристанях с целью проверки документов и задержания лиц, не имевших установленной формы документов на право проезда по железной дороге или водным путем. В то же время кэмпэйттай запрещалась вербовать агентуру среди японских военнослужащих¹⁹.

Вторым контрразведывательным органом было Информационно-разведывательное управление (ИРУ) Квантунской армии, на которое приказом начальника штаба объединения от 1 августа 1940 г. помимо организации агентурной разведки и подготовки диверсионных отрядов возлагалось «ведение контрразведки для максимально эффективно-го решения задач по штатному предназначению»²⁰.

С этой целью ИРУ взяло под свой контроль всю белую эмиграцию в Маньчжурии, организовав 10 декабря 1934 г. Бюро по делам российских эмигрантов, 3-й отдел которого занимался контрразведкой в эмигрантской среде. Сотрудники местных бюро также выявляли политически неблагонадежных лиц, советских агентов, вели наблюдение за иностранцами, докладывая полученную информацию кураторам из японской военной разведки²¹.

Значительный интерес для ИРУ представляли советские дипмиссии в Маньчжурии, служившие прикрытием для разведки. Штабное управление ИРУ в Харбине совместно с Управлением госбезопасности Маньчжоу-Го организовало плотное наблюдение за советским генконсульством, а в 1936 г. завербовало его сотрудника, от которого до 1945 г. получало шифрпереписку Наркомата иностранных дел с учреждениями на Дальнем Востоке (на деле японцы стали жертвой оперативной игры советской разведки). Отделение ИРУ в Дайрэне следило за местным советским консульством, для чего агентура из числа преподавателей японского, китайского языков и обслуживающего персонала подслушивала разговоры сотрудников и изымала черновики документов. В помещении управления Южно-маньчжурской железной дороги сотрудники ИРУ оборудовали пост прослушивания телефонных разговоров дипмиссии. В результате агентурной работы и наружного наблюдения отделением были установлены 5 сотрудников дайрэнского консульства, которые подозревались в принадлежности к советской разведке²².

Другим направлением деятельности разведки Квантунской армии была перевербовка задержанных советских агентов, их обратная заброска на советскую территорию и организация радиоигр, чем активно занимались разведпункты ИРУ в Суйфэньхэ, Дунни-не, Лишучжэне, Мулине и Маньжоули²³.

¹⁸ *Архив НИИО МНО Японии*. Тюо-бугай рэкиси дзэмпан-28 (С. 12122425200). Л. 1572.

¹⁹ Органы государственной безопасности СССР во Второй мировой войне. Победа над Японией: сборник документов. М.: Фонд «Связь Эпох», Кучково поле, 2020. С. 426, 513–514.

²⁰ *Архив НИИО МНО Японии*. S15–8–75 (С. 01003599600). Л. 1679.

²¹ Органы государственной безопасности СССР во Второй мировой войне. С. 373, 377, 493.

²² *Архив НИИО МНО Японии*. Мансю дзэмпан-364 (С. 13010229500). Л. 1196–1197; 西原征夫. 全記録ハルビン特務機関. 関東軍情報部の軌跡 [*Нисихара Юкио*. Полная летопись харбинской военной миссии: По следам Информационно-разведывательного управления Квантунской армии]. 東京: 毎日新聞社, 1980年. 128–129頁; Органы государственной безопасности СССР во Второй мировой войне. С. 500–501.

²³ 西原征夫. 全記録ハルビン特務機関. 関東軍情報部の軌跡 [*Нисихара Юкио*. Полная летопись харбинской военной миссии: по следам Информационно-разведывательного управления Квантунской армии]. 東京: 毎日新聞社, 1980年. 88, 90, 113頁.

Третьим контрразведывательным органом, осуществлявшим свою деятельность в Маньчжурии, было Управление государственной безопасности (УГБ). Его появлению предшествовало образование в июне 1937 г. на базе Министерства по делам военной администрации Маньчжоу-Го Министерства общественной безопасности (МОБ), в ведение которого перешло Управление полиции с подчиненными ему погранично-полицейскими отрядами и особыми отделами, отвечавшими, в том числе, за противоборство с советской разведкой. Однако уровень подготовки сотрудников маньчжурской полиции не отвечал потребностям борьбы с советскими разведорганами, поэтому в декабре 1937 г. по инициативе командования Квантунской армии под эгидой заместителя начальника Управления полиции МОБ было образовано Управление государственной безопасности.

На УГБ возлагались охрана границы, контрразведка и разведка против СССР, борьба с антияпонским подпольем, политическая цензура и полицейские функции в приграничных районах. В его подчинение перешли особые отделы полиции и погранично-полицейские отряды. В целях конспирации территориальные подразделения Управления действовали в составе местных полицейских управлений под названием «особые кабинеты МОБ». Начальником провинциального УГБ был по совместительству начальник полицейского управления МОБ, а его заместителем по оперативной работе — начальник особого отдела полиции. Оперативными сотрудниками были только японцы²⁴.

Хотя формально УГБ являлось органом власти Маньчжоу-Го, его повседневной деятельностью руководили советники 2-го (разведывательного) отдела, позднее ИРУ Квантунской армии, по директивам которых Управление забрасывало агентуру на территорию СССР, выявляло и передавало арестованных советских разведчиков. Однако в 1944 г. Квантунская армия упразднила институт советников, чтобы не провоцировать СССР²⁵. К этому времени МОБ было преобразовано в Главное полицейское управление, а вошедшее в его состав УГБ включало 1-й (секретариат), 2-й (следственный), 3-й (общие вопросы контрразведки), 4-й (внешняя контрразведка), 5-й (разведка), 6-й (радио-контрразведка), 7-й (контрразведка на объектах связи), 8-й (оперативно-технический) отделы, учебный центр и радиоконтрразведывательный отряд с подразделениями в Харбине, Муданьцзяне, Саньцзяне, Яньцзи, Хэйхэ и Хайларе.

К 1945 г. УГБ имело разветвленный агентурный аппарат из китайцев, корейцев и монголов по всей Маньчжурии. Для пресечения деятельности советских разведчиков агентура насаждалась в местах их наиболее вероятного появления: на постоянных дворах, в харчевнях, ресторанах, парикмахерских, публичных домах. В приграничных районах УГБ создало заградительные резидентуры под видом рыболовецких бригад, макосеяльщиков, лесорубов, углеобжигальщиков, дорожных рабочих, на удалении от населенных пунктов были построены отдельные фанзы для проживания агентов-наблюдателей.

Охрану границы осуществляли погранично-полицейские отряды, которые вели наблюдение за сопредельной территорией с наблюдательных вышек, высылали ежедневные дозоры для обнаружения следов нарушителей, проводили повседневную проверку постоянных дворов, харчевен, общественных мест и паспортов у местного населения. Особые отделы отрядов создали разветвленный агентурный аппарат среди населения погранполосы для выявления нарушителей границы, советских разведчиков и антияпонски настроенных граждан. Также они забрасывали свою агентуру с целью внедрения в совет-

²⁴ *Архив НИИО МНО Японии*. Мансю дзэмпан-364 (С. 13010230100). Л. 1253–1254; *Полутов А.В.* Управление государственной безопасности Маньчжоу-Го (1937–1945 гг.) // *Вестник ДВО РАН*. 2013. № 1. С. 171–172.

²⁵ 西原征夫. 全記録ハルビン特務機関. 関東軍情報部の軌跡 [Нисихара Юкио. Полная летопись харбинской военной миссии: По следам Информационно-разведывательного управления Квантунской армии]. 東京: 毎日新聞社, 1980年. 237–238頁.

ские разведорганы, изучения методов их работы и выявления источников информации. Погранично-полицейские отряды привлекали к охране границы местных жителей, из которых формировались группы самообороны.

В погранполосе действовал жесткий административно-полицейский режим. Все лица, достигшие 16 лет, должны были иметь паспорта. Въезд в погранзону разрешался только по специальным пропускам. Население ограничивалось в передвижении, в населенных пунктах вводилась круговая порука вплоть до уплаты денежного налога каждым двором за побег жителя на советскую территорию, действовала система тотального наблюдения старшинами, стоявшими во главе 10 и 100 дворов²⁶.

Четвертым контрразведывательным органом была железнодорожная полиция Маньчжоу-Го. Ее главной задачей являлось предотвращение диверсионных актов со стороны советской разведки и китайских партизан на железнодорожных объектах Маньчжурии²⁷.

Несмотря на наличие трений между органами контрразведки, они действовали достаточно согласованно. В немалой степени этому способствовало то, что с 1939 г. по инициативе Генеральной прокуратуры Маньчжоу-Го, которая вела следствие по делам задержанных советских агентов, в Синьцзине стали проводиться еженедельные совещания. На них стороны обменивались оперативной информацией и вырабатывали тактику борьбы с советской разведкой²⁸.

Так, в сентябре 1941 г. 2-й отдел штаба Квантунской армии на основе данных военной жандармерии и УГБ подготовил аналитическую справку о деятельности органов советской приграничной разведки. В ней были описаны национальный, социальный состав и образовательный уровень разоблаченных советских разведчиков, методы их подготовки и вывода в Маньчжурию, экипировка, оплата, круг решаемых агентурой задач, охарактеризован вербовочный контингент и даны рекомендации по пресечению деятельности²⁹.

Особенно важным для японцев было межведомственное взаимодействие в выявлении советских радиофицированных резидентур. За обнаружение выхода в эфир неизвестных радиопередатчиков отвечало Управление по надзору за радиовещанием Маньчжоу-го. Если оно выявляло такой факт, то незамедлительно информировало военную жандармерию и УГБ о приблизительном местонахождении радиостанции. В указанный район выдвигались радиопеленгационные отряды кэмпэйти и УГБ, находившееся в оперативном подчинении военной жандармерии. После точного определения места выхода радиопередатчика в эфир за ним устанавливалось негласное круглосуточное наблюдение и силами УГБ осуществлялся арест радиста с последующей проверкой и организацией радиоигры³⁰.

Таким образом, к началу Маньчжурской операции Япония имела хорошо организованный и оснащенный контрразведывательный аппарат, который максимально осложнил деятельность советской разведки при подготовке наступления. Об этом убедительно свидетельствуют документы разведотдела штаба 1-го ДВФ за август 1945 г., так характеризовавшие его деятельность по вскрытию группировки войск 5-й японской армии: «[Имелись] исключительные трудности в работе — невозможность использовать в работе сов.[етских] граждан, строгий [контрразведывательный] режим в обстановке — передвижение, прописка, язык, паспортный режим. [Японская] Армия <...> говорит на ином языке, чем [китайское] население <...>. [Японская] Армия не доверяла на-

²⁶ Органы государственной безопасности СССР во Второй мировой войне. С. 512, 615–620.

²⁷ *Архив НИИО МНО Японии*. Мансю дзэмпан-364 (С. 13010230100). Л. 1254–1255.

²⁸ *Архив НИИО МНО Японии*. Мансю дзэмпан-364 (С. 13010230100). Л. 1255–1257.

²⁹ *Национальный архив Японии*. Хэнсэки-11005000 (A03032011600). Л. 58–73.

³⁰ *Архив НИИО МНО Японии*. Мансю дзэмпан-364 (С. 13010230100). Л. 1258–1260.

селению и наоборот. В этих условиях трудно было подобрать людей, которые могли бы давать нужные нам сведения»³¹.

Литература

- Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Кучково поле, 2013. 864 с.
- Документы Архива Научно-исследовательского института обороны Министерства национальной обороны Японии (*Архив НИИО МНО*).
- Документы Национального архива Японии.
- Документы Российского государственного архива социально-политической истории (*РГАСПИ*).
- Документы Российского государственного военного архива (*РГВА*).
- Документы Центрального архива Министерства обороны (*ЦАМО*).
- Константинов Г.Д. Особая интернациональная. 88-я отдельная стрелковая бригада Дальневосточного фронта. Хабаровск: ДИЦ «Приамурские ведомости», 2015. 240 с.
- Мазеркин Ю.П. Борьба органов государственной безопасности Приморья с подрывной деятельностью японской разведки в 1941–1945 годах // *Труды Высшей школы КГБ*. 1971. № 2. С. 137–149.
- Органы государственной безопасности СССР во Второй мировой войне. Победа над Японией: сборник документов. М.: Фонд «Связь Эпох», Кучково поле, 2020. 824 с.
- Петров И.Ф. Борьба органов госбезопасности Хабаровского края с подрывной деятельностью японской разведки в предвоенные и военные годы // *Труды Высшей школы КГБ*. 1971. № 2. С. 150–159.
- Полутов А.В. Управление государственной безопасности Маньчжоу-Го (1937–1945 гг.) // *Вестник ДВО РАН*. 2013. № 1. С. 169–181.
- Русский архив: Великая Отечественная война. Советско-японская война. 18 (7–1). Советско-японская война 1945 г. История военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы: Документы и материалы в 2 т. М.: ТЕРРА, 1997. 431 с.
- 西原征夫. 全記録ハルビン特務機関. 関東軍情報部の軌跡 [*Нисихара Юкио*. Полная летопись харбинской военной миссии: По следам Информационно-разведывательного управления Квантунской армии]. 東京: 毎日新聞社, 1980年. 300頁.

The Confrontation between Soviet Intelligence and Japanese Special Agencies on the Eve of the Manchurian Strategic Offensive Operation (1945)

Alexander G. Zorikhin

Ph.D. (History), Association of Japanologists (address: 12, st. Rozhdestvenka, Moscow, 107031, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7361-7237. E-mail: tsunami77@rambler.ru

Received 18.09.2023.

Abstract:

The article is devoted to the confrontation between Soviet intelligence and Japanese counterintelligence agencies on the eve of the Manchurian Strategic Offensive operation (1945). According to the point of view officially accepted in Russian historical science, the Soviet military, naval and foreign intelligence agencies were able to provide the Headquarters of the Supreme High Command and the General Staff of the Red Army with reliable information about the state of the Japanese grouping of troops in Manchuria and Korea. This became one of the factors of the rapid defeat of the Kwantung army during the Manchurian strategic offensive operation in August 1945. However, the documents put into circulation indicate that, despite the efforts made by the Soviet command to collect intelligence information about the enemy, it had a distorted idea of the combat composition, deployment, number and operational plans of the Japanese troops. The reason for this was the strict counterintelligence and administrative-police regime that Japan established on the territory of Manchuria and Korea that it captured. By the beginning of 1945 there was a passport system, a special regime for staying in the border zone, and military and agent protection of the Soviet-Manchurian border was organized. The diplomatic institutions of the USSR were

³¹ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 6420. Л. 11, 13.

under close surveillance by Japanese counterintelligence, measures were taken to identify unreliable elements among Russian white emigrants, as a result of punitive operations, the anti-Japanese partisan movement was practically destroyed by 1941. In addition, several well-equipped radio counterintelligence services operated on the territory of Manchuria, which, in co-operation, identified Soviet radio-equipped intelligence groups and, after the arrest of radio operators, conducted radio games.

Key words:

Japan, Manchuria, Red Army, Kwantung Army, intelligence.

For citation:

Zorikhin A.G. The Confrontation between Soviet Intelligence and Japanese Special Agencies on the Eve of the Manchurian Strategic Offensive Operation (1945) // Far Eastern Studies. 2023. No. 5. Pp. 121–131. DOI: 10.31857/S013128120028047-2.

References

- Documents from the Archive of the Defense Research Institute of the Ministry of National Defense of Japan (*Arhiv NIIO MNO*). (In Jap.)
- Documents from the Central Archive of the Ministry of Defense (TSAMO). (In Russ.)
- Documents from the National Archives of Japan. (In Jap.)
- Documents from the Russian State Archive of Socio-Political History (*RGASPI*). (In Russ.)
- Documents from the Russian State Military Archive (*RGVA*). (In Russ.)
- Konstantinov G.D.* Osobaya internacional'naya. 88-ya otdel'naya strelkovaya brigada Dal'nevostochnogo fronta [Special international. 88th Separate Rifle Brigade of the Far Eastern Front]. Habarovsk: DIC «Priamurskie vedomosti», 2015. 240 s. (In Russ.)
- Mazerkina Yu.P.* Bor'ba organov gosudarstvennoj bezopasnosti Primor'ya s podryvnoj deyatel'nost'yu yaponskoj razvedki v 1941–1945 godah [The struggle of the state security organs of Primorye with the subversive activities of Japanese intelligence in 1941–1945]. *Trudy Vyshej shkoly KGB*. 1971. No. 2. S. 137–149 (In Russ.)
- Organy gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR vo Vtoroj mirovoj vojne. Pobeda nad Yaponiej: Sbornik dokumentov [State security agencies of the USSR in World War II. Victory over Japan: A collection of documents]. M.: Fond «Svyaz' Epoh», Kuchkovo pole, 2020. 824 s. (In Russ.)
- Petrov I.F.* Bor'ba organov gosbezopasnosti Habarovskogo kraja s podryvnoj deyatel'nost'yu yaponskoj razvedki v predvoennye i voennye gody [The struggle of the state security organs of the Khabarovsk Territory with the subversive activities of Japanese intelligence in the pre-war and war years]. *Trudy Vyshej shkoly KGB*. 1971. No. 2. S. 150–159 (In Russ.)
- Polutov A.V.* Upravlenie gosudarstvennoj bezopasnosti Man'chzhou-Go (1937–1945 gg.) [Manchukuo State Security Agency (1937–1945)]. *Vestnik DVO RAN*. 2013. No. 1. S. 169–181 (In Russ.)
- Russkij arhiv: Velikaya Otechestvennaya vojna. Sovetsko-yaponskaya vojna. 18 (7–1). Sovetsko-yaponskaya vojna 1945 g. Istoriya voenno-politicheskogo protivoborstva dvuh derzhav v 30–40-e gody: Dokumenty i materialy v 2 t. [Russian Archive: The Great Patriotic War. The Soviet-Japanese War. 18 (7–1). The Soviet-Japanese War of 1945 The history of the military-political confrontation between the two powers in the 30–40s: Documents and materials in 2 vols.]. M.: TERRA, 1997. 431 s. (In Russ.)
- Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov. T. 6. Tajnaya vojna. Razvedka i kontrrazvedka v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [The Great Patriotic War of 1941–1945. Vol. 6. The Secret War. Intelligence and counterintelligence during the Great Patriotic War.]. M.: Kuchkovo pole, 2013. 864 s. (In Russ.)
- 西原征夫. 全記録ハルビン特務機関. 関東軍情報部の軌跡 [*Nishihara Yukio*. The complete chronicle of the Harbin military mission: In the footsteps of the Information and Intelligence Directorate of the Kwantung Army]. 東京: 毎日新聞社, 1980年. 300頁. (In Jap.)